

ТРУДЫ НАСТАВНИКОВ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

THE PROCEEDINGS OF THE HEADS OF THE SCHOOL OF THOUGHT

ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

INNOVATION SYSTEM AS A SOCIAL INSTITUTION OF POST-INDUSTRIAL INFORMATION ECONOMY

БЛЯХМАН Л.С., д-р экон. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета

BLYAKHMAN L., Chief researcher, St. Petersburg State University, Doctor of Economics, Professor, Honored Master of Science of the RF

За последние годы Россия добилась успехов в макроэкономике.

Профицит бюджета позволил увеличить золотовалютные резервы, создать стабилизационный фонд, сделать устойчивым курс рубля, с опережением платить долги России и бывших братских республик, хотя заводы и порты, построенные на эти деньги, находятся теперь за рубежом (в старой песенке были такие слова: «Раз я в девушку влюбился, добивался целый год, брат пришел, на ней женился, теща у меня живет»).

Темпы прироста ВВП за последнее пятилетие были наивысшими после 1970 г., а инвестиций, основных производственных фондов и реальной зарплаты (в 2007 г. она вернется на уровень 1990 г.) – наивысшими за 15 лет.

В 2007 г. ВВП России вернется на уровень 1990 г. – года начала реформ. По расчетам Всемирного банка по размерам ВВП (582 млрд. долларов) Россия в 2004 г. была на 15-м месте в мире (позади стран Большой Семерки, а также Китая, Испании, Индии, Ю.Кореи, Мексики, Австралии и Бразилии), обогнав Нидерланды (577 млрд. долл.). Если считать по паритету покупательной способности, экономика России – на 10-м месте в мире, впереди Канады. По темпам роста ВВП Россия опережает многие крупные страны (Россия – 6%, США – 3%, Франция,

Италия и Германия – менее 1% процента). По душевому ВВП (8,9 тыс. долл. в год) Россия занимает 86-е место среди 231 страны, опережая Казахстан (6,3), Беларусь (6,1), Украину (5,4) и другие страны СНГ. При этом по прогнозу World Fact Book (откуда взяты эти данные) Россия лишь к 2010 г. сможет вернуться по продукции обрабатывающей промышленности, инвестициям и НИОКР на уровень двадцатилетней давности, который другими странами давно пройден.

Уже несколько веков Россия, располагая уникальными природными и интеллектуальными богатствами, отстает от наиболее развитых стран по уровню технологии, производительности труда и качеству жизни народа на 40-50 лет. При этом до 80 гг. XX века соревнование шло на одном индустриальном поле. Это позволяло в годы пятилеток преодолевать отставание за счет массового набора новой рабочей силы, освоения нетронутых природных ресурсов и закупки зарубежного оборудования для новых заводов. При этом трудодень 1950 г. по расчетам экономистов весил в 8-9 раз меньше, чем заработок поденщика 1913 г., причем колхозник в отличие от батрака не мог уйти из села, не имея права получить паспорт.

Сегодня соревнование идет на разных полях. Развитые зарубежные страны живут в постиндустриальном обществе, используя 5-6-й технологические уклады, считая от промышленной революции XVIII века. Россия до сих пор живет в индустриальной экономике, где преобладают технологии 3-го, в лучшем случае 4-го уклада, характерные для середины прошлого века. Сократить отставание, копируя чужие достижения, уже нельзя, нужен прорыв.

Нужен ли России и возможен ли переход к постиндустриальной информационной экономике? Какова роль государства и рыночного механизма в создании необходимой для этого перехода инновационной системы? Как реформировать социальные институты, обрекшие Россию на отставание? Эти вопросы широко обсуждаются в литературе, в том числе на страницах журнала.

Россия в преддверии постиндустриальной информационной экономики

Основные черты постиндустриальной информационной экономики исследованы в работах М.Кастелса, В.Иноземцева [1] и других отечественных и зарубежных авторов [2-3]. Можно выделить 10 основных черт этой экономики:

1. Научная, техническая и производственная революции. Научная революция связана с интеграцией различных областей науки в единую производительную силу (наиболее значимые открытия сделаны на стыке наук) и переходом от натуральных экспериментов к исследованию

компьютерных моделей. Техническая революция означает воздействие средств труда не на поверхностные свойства, а на физико-химическую, атомно-молекулярную и генную структуру предмета труда. Производственная революция заменяет громадные цеха, где рабочие управляют станками, а на конвейерах выпускается стандартная продукция для анонимных покупателей, автоматизированными переналаживаемыми комплексами, производящими многообразную продукцию сравнительно небольшими сериями по заказу персонально известных клиентов.

2. Глобализация – развитие мирового рынка информации и технологий, товаров и услуг, капиталов, рабочей силы, выбросов в окружающую среду на базе Интернета и электронной торговли. Предсказанное Марксом обобществление производства произошло, но не в форме экспроприации фабрик и заводов, а на базе создания новой, изначально общественной производительной силы.

3. Изменение качества экономического роста. Индустриальная экономика напоминала механическую систему, получающую энергию извне. Модели экономического роста ставили его в зависимость от прироста капитала, числа отработанных часов и вовлеченных в хозяйственный оборот природных ресурсов. Информационная экономика больше напоминает биологическую систему, истоки развития которой находятся внутри ее самой. Страны с такой экономикой получают более 80% прироста ВВП за счет созданных ими новых знаний, воплотившихся в новые продукты, технологии, методы организации производства и управления.

4. Изменение структуры общественного богатства. Богатство это включает невозпроизводимые природные ресурсы, производственные активы, человеческий и управленческий капитал. По оценкам Росстата и РАН российское богатство составляет почти 400 трлн. долларов: россиянин в среднем вдвое богаче, чем американец; вшестеро, чем немец, и в 22 раза – чем японец. Но эти оценки включают только природные ресурсы (80-85%), производственные фонды (10-12%), домашнее имущество и материальные оборотные средства, причем по балансовой, а не рыночной стоимости. Между тем, по оценке Всемирного банка 6575% богатства постиндустриальной экономики составляют человеческий и управленческий капиталы. Они в России не учитываются ни на балансах предприятий, ни в масштабах всей страны, хотя информация, включающая сведения о знаниях и методах их применения, стала основным производственным ресурсом. В отличие от других активов она не уничтожается, а прирастает в процессе использования. В информационном обществе научно-техническая, коммерческая и политическая информации необходимы и доступны всем. Каждый гражданин и организация могут узнать о спросе на товары и услуги, которые они могут производить или хотели бы приобрести, об условиях их производства и потребления, а также принять участие в обсуждении и принятии соответствующих решений.

5. Изменение структуры общественных потребностей и мирового рынка. За последнее пятилетие доля рынка высоких технологий в общем объеме мировой торговли выросла с 20 до 25%. Доминирующую роль на этом рынке (2,5 трлн. долларов) занимают США (39%), Япония (30%) и Германия (16%), растет доля Ю.Кореи, Китая, ставшего крупнейшим экспортером бытовой техники, Индии (программное обеспечение и компьютерные услуги) и других стран. Доля России на этом рынке за последние 15 лет резко сократилась и составляет менее 1%. В России трудятся около 10% научных работников мира, им принадлежит 7-8% публикаций по естественным и техническим наукам, но эта информация бесплатно используется зарубежными компаниями. Россия экспортирует не только природное, но и научное сырье. По оценкам Всемирного банка 250-500 тыс. российских специалистов нашли работу за рубежом.

6. Превращение сферы услуг в основную (60-70%) сферу занятости и производства ВВП. Формально в России доля данной сферы превысила 55%, но эту статистику «раскрутили» в целях

ухода от налогов сырьевые корпорации. Их торговые фирмы в офшорных безналоговых зонах закупают продукцию предприятий по минимальным, а реализуют по рыночным ценам, в результате прибыль оказывается на счетах торговли. По оценке экспертов, если исключить эффект трансфертных цен, доля сферы услуг в России составляет лишь 40%, причем в ней преобладают торговые и посреднические, а не инжиниринговые и другие инновационные услуги.

7. Появление нового класса работников, управляющих знаниями (knowledge worker), – творческих, обладающих развитым интеллектом специалистов, способных к самостоятельному поиску и анализу огромных массивов информации, к самостоятельному обоснованию, принятию и реализации инновационных решений. Впервые принадлежность к привилегированной группе и социальное расслоение определяются не собственностью на блага и даже не правом ими распоряжаться, а умением ими пользоваться, которое во многом связано с личностными качествами, а не только с обучением. Как отмечал Б.Гейтс, в компании «Майкрософт» работают многие тысячи сотрудников, но если уйдут 20 ключевых – она обанкротится. В США работники умственного труда составляют уже 40% общего числа занятых. Персональный компьютер служит для них мобильным офисом, который позволяет работать вне помещения фирмы, в условиях частичной занятости, срочного контракта на выполнение определенного проекта. Работой называется уже не место, куда нужно являться пять раз в неделю к определенному часу, а задание, которое нужно выполнить, причем руководитель контролирует лишь результат, а не процесс.

8. Основным звеном экономики становится не предприятие, специализированное на определенных видах продукции или стадиях технологического процесса, а транснациональные интегрированные бизнесгруппы (ИБГ), а также предпринимательские сети (10). ИБГ выступают не только как глобальные производители, но и как инновационно-инвестиционные центры и среднее звено управления, планирующее и организующее развитие и удовлетворение спроса на определенном сегменте рынка. Наряду с микро – и макро – неотъемлемым звеном мирового хозяйства становится мезоэкономика. Более 40 тыс. транснациональных ИБГ (в странах СНГ прописаны лишь два десятка из них, и все относятся к топливно-энергетическому комплексу), имеющие 200 тыс. дочерних и зависимых компаний за рубежом, обеспечивают более половины мировой торговли (более 7 трлн. долларов). Рыночная стоимость ИБГ в несколько раз превышает стоимость их производственных фондов, так как включает нематериальные активы (в России они редко учитываются в бухгалтерских балансах), а также «гудвилл» – оценку деловой репутации, человеческого капитала, качества стратегии, кооперированных связей и системы управления знаниями в компании. Предпринимательские сети не имеют привычной управленческой иерархии, ее заменяют общий логистический и информационно-маркетинговый центр, общие нематериальные активы и базы данных. При этом компании специализируются на ключевой компетенции, передавая все остальное на аутсорсинг дочерним, аффилированным и независимым малым и средним фирмам. В информационном обществе фирмы не только производят товары и услуги, но и становятся обучающими, интеллектуальными организациями.

9. Возрастание роли общественных благ и производящих их отраслей образования, здравоохранения, культуры, социальных услуг,

которые относятся преимущественно к некоммерческому или государственному сектору экономики. В результате роль государства в постиндустриальной экономике не уменьшается и не увеличивается, а коренным образом трансформируется. Оно отказывается от многих административных функций и производства продукции, которую на конкурентной основе может выпускать частный сектор, но расширяет свои стратегические функции, отвечая, прежде всего, за производство некоммерческих общественных благ, развитие социальных институтов и инновационной системы.

10. Основой конкурентоспособности стала собственность на нематериальные активы, которые часто невозможно отделить от их носителей и экспроприировать. К.Маркс и Ф.Энгельс в «Коммунистическом манифесте» отмечали, что суть их учения – в отмене частной собственности. В новой Конституции Китая правящая коммунистическая партия провозгласила защиту этой собственности. Дело в том, что сама собственность с тех пор изменилась. Более 40% корпораций

США, в том числе 60% крупных, принадлежит не частным лицам, а инвестиционным и пенсионным фондам. Главную роль начинает играть не материальная, а интеллектуальная собственность, требующая иной системы регистрации, передачи и защиты [4]. Сегодня она позволяет обладателям патентов тормозить технический прогресс в своей области, а имитаторам – бесплатно копировать достижения новаторов и обесценивать их вложения.

Постиндустриальную экономику нельзя противопоставлять индустриальной. Ряд зарубежных авторов до 2001 г. полагал, что «новая экономика» имеет совершенно иные законы и с кризисами покончено.

В.Иноземцев в своей интересной работе писал, что проблема исчерпания минеральных и энергетических ресурсов снята с повестки дня и постиндустриальные страны живут в новом мире неограниченных ресурсов [1, с. 65]. Последующие события показали, что это не так. Когда выяснилось, что многие идеи фирм «новой экономики» не дают реальной отдачи, бурный рост курсов их акций сменился не менее бурным падением. Особенно опасно противопоставлять «старую» и «новую» экономику в России. Предложение отобрать всю природную ренту у нефтяников и отдать ее компьютерщикам или просто разделить между всеми не решит проблемы ни тех, ни других. Информационные технологии не заменяют нефть и зерно, но позволяют коренным образом улучшить процесс их производства.

По прогнозу инвестиционных банков в 2006-2010 гг. российский ВВП будет расти быстрее мирового (соответственно 5,5-6,0 и 4,3%) за счет экспорта сырья (71% общего экспорта) и вызванного этим потребительского спроса. Быстро расти (на 6-8% в год) будут отрасли, не испытывающие влияния зарубежной конкуренции, – торговля (здесь развернутся зарубежные сети), транспорт и коммуникации, строительство, продажа и обслуживание недвижимости, пищевая промышленность (вслед за пивом и сигаретами и другие продукты в России будут производить иностранные компании). Рост добывающей промышленности замедлится, а в машиностроении останется в основном сборка иностранной техники.

Многие исследователи, и не только зарубежные, полагают, что за 10 лет пока рыночное «цунами» разрушало российский высокотехнологичный комплекс, мировой рынок здесь был уже поделен и возвращаться на него нет смысла. России предлагается ориентироваться на экспорт сырья в ЕС и Китай, при этом отказаться от развития северных районов Сибири, где жизнеобеспечение обходится слишком дорого, направив миграционные потоки на Юг и Запад. Реализация этих советов и прогнозов означает, что Россия останется сырьевым, финансовым и кадровым спонсором остального мира, а когда ее спонсорские ресурсы иссякнут, неминуемо распадется.

Доказанных запасов нефти в России, по оценкам экспертов, хватит лишь на 18-20 лет, а разработка арктических запасов рентабельна лишь при сохранении нынешних цен, что маловероятно, учитывая бурное развитие водородной энергетики. По оценке Министерства природных ресурсов рентабельных запасов многих других видов сырья осталось на 10-15 лет. Китай быстро идет к самообеспечению, уже с 2005 г. он становится чистым экспортером стали. В России добычей природных ресурсов занято лишь 5% трудоспособного населения, остальные не могут быть заняты лишь торговлей и услугами. Малонаселенные Норвегия и Австралия не могут служить нам примером, тем более, что они активно развивают информационную экономику и не должны заботиться о сохранности ракетно-ядерного щита.

Инновационный потенциал – единственный способ сохранить роль России в Евразии. За последние 20 лет доля региональных объединений в мировом ВВП выросла с 27 до 75%, а в экспорте – с 43 до 75%. СНГ было инструментом цивилизованного развода, а теперь стало переговорной площадкой, но не полноценным экономическим союзом, СНГ не сementируют льготные поставки газа: ФРГ платит за 1000 кубометров 160 долл. (правда, до недавнего времени две трети получали не производители, а перекупщики), страны Балтии – по 70-90, а ряд стран СНГ – по 40-60. Единственный способ навсегда связать нас (в хорошем смысле этого слова) – единая инновационно-образовательная система, предлагающая странам СНГ приспособленные к местным условиям нововведения, а их молодежи – нужную специальность в вузах, техникумах и ПТУ с правом последующей работы в России.

На сайте ЦРУ в 2005 г. был размещен прогноз экспертов, согласно которому через несколько десятилетий Россия распадется на 5-6 формально независимых, но на деле находящихся под иностранным протекторатом государств. Депутат Европарламента Габсбург «дружески» посоветовал России отступить к границам от Нижнего Новгорода до Смоленска. Руководители кремлевской администрации недавно также отметили опасность распада России, если будет нарушено единство ее элит. Но дело не только в элитах. СССР был разрушен не потому, что этого захотели трое мужчин, собравшихся в Беловежской пуще, а из-за того, что сотни миллиардов долларов, полученных от экспорта нефти Самотлора, на пике цен были потрачены не на технологическую и институциональную реконструкцию, а на другие нужды. Когда цены снизились и платить зарплату и закупать зерно стало не на что, элиты разбежались. Нельзя во второй раз наступать на те же грабли.

Эксперты ООН считают, что Россия не только должна, но и пока еще может создать инновационную экономику. Из 100 основных направлений науки по 17-ти Россия еще сохраняет лидерство, а по 22-м может вернуть былое положение за 5-7 лет. На Ганноверской выставке 2005 г. были представлены не имеющие мирового аналога биометрические и авиационные системы, фильтры для воды, микрочипы на основе нанотехнологий, базальтовое волокно для выпуска легких, жаропрочных и вечных труб и другие уникальные технологии.

По развитию человеческого потенциала и качеству жизни (журнал «The Economist» оценивал около 30 показателей) Россия в 1991-2003 гг. откатилась с 42-го на 56-е место среди 177 стран, но затем стала подниматься и не уступает самым развитым странам по уровню грамотности населения и числу специалистов с высшим образованием. Российский бизнес – самый интеллектуальный в мире: 80% имеют высшее образование, а 40% крупных бизнесменов – ученую степень. Новой стала молодежь – это уже не комсомольцы-добровольцы, готовые без особых материальных стимулов и в тяжелых условиях строить дороги в никуда, а более жесткие, прагматичные и недоверчивые люди. Они хотят и умеют учиться и работать, любят Родину и семью, но согласны лишь на интересную работу с достойной зарплатой и комфортными условиями труда и жизни. Журнал «Business Week» (8 августа 2005 г.) приводит данные социологического исследования, по которому россияне в возрасте 18-29 лет зарабатывают на 30% больше, чем те, кому за 50, втрое чаще выступают за продолжение реформ, 70% из них поддерживают политику В.В. Путина.

По прогнозу Goldman Sachs к 2050 г. Китай, Индия, Россия и Бразилия опередят по совокупному ВВП шестерку нынешних постиндустриальных лидеров, а Россия обгонит по уровню жизни Италию и Германию, а по размерам ВВП – также Францию и Великобританию. Но это произойдет лишь в том случае, если будет создана инновационная система. Велосипед российской экономики не имеет заднего хода и должен быстро двигаться вперед, чтобы не упасть.

Инновационная система как социальный институт

Инновационная система – организационно-экономический конкурентный механизм с соответствующей инфраструктурой, ориентирующий научные организации на достижение коммерческого и социального эффекта разработок, производственные организации – на постоянное обновление продукции, технологии, организации производства, труда и управления на основе использования этих разработок, а органы власти и гражданского общества – на развитие массовой инновационной активности. Субъектами этой системы являются не только коммерческие, но и некоммерческие государственные, общественные и инфраструктурные организации, в том числе инвестиционные банки и фонды, наукограды и технопарки, технико-внедренческие зоны, венчурные, лизинговые, информационно-маркетинговые, логистические, инжиниринговые, вычислительные центры.

Проблемы формирования и развития инновационной системы

исследовали Л.Абалкин, Д.Львов, В.Маевский, Ю.Яковец, Б.Кузык [9] и ряд других авторов, в том числе Н.Бекетов, В.Семенов, В.Бузырев, А.Кот, С.Стрижков и другие авторы журнала. Однако многие теоретические вопросы еще не разработаны. В индустриальной рыночной экономике инновационные системы создавались только на корпоративном уровне. Одним из первых, еще в начале XIX в. пригласил на работу в свою электротехническую

компанию выпускников университета Филлипс (между прочим, кузен отца К.Маркса). В России Филлипсу, как и Марксу, не повезло. В капиталистической России не удалось наладить производство кинескопов в Воронеже, а в коммунистическом Китае работает более 20 заводов Филлипса. Доля Китая на мировом рынке микроволновых печей, стиральных машин, холодильников, телевизоров достигла 20-40%.

У России нет особого опыта коммерциализации научных разработок. Яблочков создал электротехнику одновременно с Эдиссоном, но американец учредил корпорацию, привлек инвестиции, что позволило построить электростанцию и линию электропередач. Попов опубликовал схему радиоприемника и передатчика раньше, чем Маркони, но итальянец запатентовал изобретение, выгодно продал патент созданной им компании, нашел рынок сбыта на британских судах, учредил дочерние фирмы по радиосвязи и производству оборудования в США. В итоге Нобелевскую премию получили Маркони и учредитель германского Телефункена, а о русском первопроходце никто не вспомнил.

В советское время эффективная административно-плановая инновационная система действовала в ВПК, однако в 90-х гг. в ходе «конверсии» многие высокотехнологичные комплексы были разрушены (по оценке экспертов Россия потеряла на этом 500 млрд. долл.), в то время как США передали оборонные технологии для выпуска наукоемкой гражданской продукции, выиграв на этом 1,3 трлн. долл.

Национальная и региональные инновационные системы стали необходимыми лишь при переходе к постиндустриальной экономике. Радикальные нововведения требуют огромных и рискованных вложений, которые не под силу даже крупным компаниям без государственной помощи. Успех этих нововведений зависит от качества общественных благ, производство которых далеко не всегда приносит коммерческий эффект. Рентабельность аэрокосмических компаний в США вдвое ниже, чем у производителей напитков и косметики, розничных сетей в Японии – втрое выше, чем у производителей электротехнического и коммуникационного оборудования.

Как справедливо отметил В.Мау [11], главная опасность для современной России – популизм, попытки решить сложные проблемы простыми и всем понятными средствами. Левый популизм требует от государства четкого определения путей развития науки и техники и щедрого их финансирования, но это не выполнимо. Компьютеры были изобретены в СССР почти одновременно с Западом, но принятые вопреки мнению ученых направления развития отрасли завели ее в тупик. Экономисты, помня слова С.Г. Струмилина о том, что лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие, боялись возражать государству.

Уже в наши дни энергетическая программа России ориентирована на увеличение добычи энергоресурсов в тоннах, а не на прирост добавленной стоимости от их использования, что служит критерием развития инновационной экономики. Россия вышла по добыче нефти на 2-е место в мире, хотя по запасам занимает лишь 6-е, при этом половина нефти остается в недрах, а глубина ее переработки вдвое ниже, чем за рубежом. Россия вывозит нефть, но ввозит дорогостоящие продукты нефтепереработки; экспортирует лес, но ввозит высококачественную бумагу и мебель; вывозит зерно, но ввозит мясо и, особенно, колбасы. А почему первый магистральный газопровод был проложен по дну Черного, а не Балтийского моря? Ведь от Ямала до Гамбурга гораздо ближе, чем до Стамбула, причем ресурсы Северного моря иссякают, а Азербайджана и Кувейта только начинают разрабатываться.

В 2006 г. государство наконец-то резко (в 2,5 раза) увеличивает свои инвестиции. Финансирование федеральных целевых и адресных инвестиционных программ увеличивается с 287 до 640 млрд. рублей.

Еще 70 млрд. рублей направлено в инвестиционный фонд для конкретных проектов. Однако в отсутствие инновационной системы нет ясных критериев распределения и оценки эффективности этих вложений, что позволяет лоббировать частные интересы. Государство не должно конкурировать с частным бизнесом на том же инвестиционном поле.

Ничем не лучше левого и правый популизм, призывающий вообще отстранить государство от создания инновационной системы и определения приоритетных направлений развития

науки и техники, положившись на «невидимую руку рынка». Эта рука эффективно действует лишь в индустриальной экономике, при совершенной конкуренции, на рынке, где преобладают стандартные, не требующие глобальной научно-производственной кооперации, товары, все ресурсы для производства которых можно купить за деньги. Анализ инновационных систем, созданных в Северной Америке [5] и Европе [6], не говоря уже о Китае [7], подтверждает, что без активной роли государства эти системы не действуют. Особый интерес представляет опыт Финляндии, где основой этой системы стали кластеры – мезоэкономические комплексы, включающие транснациональную компанию, конкурентоспособную на мировом рынке и связанные с ней научно-образовательные, производственные и инфраструктурные организации [8]. Исторически совсем недавно А.С. Пушкин видел недалеко от блистательного Петербурга «приют убогого чухонца». Сегодня Финляндия занимает 1-е место в мире по конкурентоспособности экономики и одно из первых по минимальному уровню коррупции. Дело здесь не только в природном трудолюбии народа, но и в целенаправленном развитии информационных, образовательных, здравоохранительных и экологических услуг, имеющих громадный внешний положительный эффект, не отражаемый в прямых издержках на производство этих благ. Общественная оценка выгод от их использования никак не сводится к цене, которую платят за них рыночные субъекты.

В программе создания инновационной системы должны быть указаны ее цели, затраты и результаты, показатели динамики научного потенциала и эффективности его использования, необходимые институциональные и организационные преобразования. Цель системы – достижение и поддержание конкурентоспособности национальной и региональных экономик, предприятий и работников, т.е. их способности реализовать на мировом рынке товары и услуги, добавочная стоимость которых достаточна для обеспечения устойчивого экономического роста, обновления производства и повышения качества жизни народа. К сожалению, этими оценками до сих пор занимаются в основном зарубежные, а не российские центры. По данным The Global Competitiveness Report и World Economic Forum, Россия занимала в 2004 г. 59-е место среди 170 стран, она уступала Китаю (33) и Индии (46), хотя намного превосходит их по душевому ВВП, уровню жизни и образования населения. Низкие цены на российские экспортные продукты объясняются временными факторами – низкой оплатой труда, экономией на экологии и инвестициях, использованием результатов труда советских геологоразведчиков и конструкторов. В Индии в 2000-2004 гг. средняя зарплата проектных менеджеров выросла с 13,6 до 31,1 тыс. долларов, программистов – с 4,1 до 6,6 тыс. долл. в год, при этом экспорт компьютерных программ и услуг вырос более, чем в 5 раз (с 4,8 до 25,5 млрд. долл.), в Китае – в 76 раз (с 0,2 до 15 млрд. долл. – «Business Week», 14 августа 2005 г.). В России этот экспорт лишь к 2007 г. превысит 1 млрд. долл.

Основные направления создания инновационной системы

1. Выбор после широкого обсуждения 10 – 12 критически важных технологий (КВТ) в области энергетики, авиации и космонавтики, новых материалов, плазменных, лазерных, информационных, нано – и биотехнологий, которые государство обязуется всемерно поддерживать и пропагандировать, финансировать развитие инфраструктуры. Россия не может размазывать вложения по всем 50-55 признанным в мире КВТ (45-46 из них монополизировали 7 ведущих стран), не может разрабатывать и выпускать, как это было раньше, все типы летательных аппаратов. Нельзя также декретировать государственные инвестиции на 182 направления фундаментальных и 3700 – прикладных исследований, как это было до сих пор. В то же время по прорывным КВТ необходимо не копировать и догонять другие страны, а добиваться опережающего прорыва.

Так, в военной области планируется не только совершенствование боевых платформ (танков, судов, самолетов), но, прежде всего, оснащение их средствами бесконтактного боя, высокоточного дистанционного поражения с помощью радиоэлектронных и космических средств разведки, защиты, целеуказания и управления боем, квантовых и лазерных технологий. Учет расходов и доходов от передачи этих технологий в гражданские отрасли и экспорта оружия позволит уйти от принципа «пушки вместо масла» при перевооружении армии.

Космические и авиационные технологии, в которые уже вложены десятки миллиардов долларов и труд целых поколений, остаются национальным приоритетом. Прорывными здесь являются криогенные авиакосмические системы на основе сжиженного природного газа и жидкого водорода. Российские разработки в этой области при условии достаточного финансирования и использования композитных материалов позволяют резко повысить экономичность и экологичность авиации, а также могут быть использованы в энергетике, металлургии, химии, других видах транспорта.

Нанотехнологии позволяют не только революционным образом расширить номенклатуру материалов, но и создать новую отрасль экономики, новую медицинскую и другую технику, открыть совершенно новые перспективы для малого инновационного бизнеса, избавив его от громоздкого оборудования и дорогостоящих зданий.

Прорывные технологии в энергетике связаны, прежде всего, с водородными, метано-водородными и атомно-водородными технологиями, топливными элементами, новыми способами использования солнечной, ветровой и приливной энергии.

В 30-е годы Россия была центром мировой генетики, но великий Вавилов умер в тюрьме, а его американский ученик получил Нобелевскую премию. Науки о жизни имеют прямой выход на рынок, поскольку расшифровка генома человека (ее стоимость в ближайшие годы снизится до 1 тыс. долларов) и атласа его белков (этим занимается протеомика, один из 10-ти мировых центров которой создан в России) позволяет продлить период активной жизни человека. Это особенно важно в условиях старения населения и неизбежного повышения пенсионного возраста. Геномика создает новые технологии синтеза материалов и топлива из углекислого газа, повышения урожайности, бесхлорной очистки воды. Это очень важно для России, где 11 млн. человек дышат воздухом с пятикратным превышением допустимых концентраций вредных веществ, а одна треть проб воды не соответствует гигиеническим нормативам.

2. Мониторинг инновационного развития. О динамике научного потенциала свидетельствуют показатели развития человеческого капитала, объема и структуры вложений в НИОКР, число публикаций и патентов, развитие информационных технологий и средств связи. Россия в 90-е годы потеряла 54% (1 млн.) исследователей, средний возраст оставшихся превысил 49 лет, в т.ч. кандидатов наук – 53, докторов – 61, а возраст академиков называть вообще неприлично. Если в 1990 г. зарплата в этой сфере была на 12% выше, то сейчас она намного ниже средней и в 40-50 раз ниже, чем в развитых зарубежных странах. Тем не менее, число исследователей в России на одну тысячу занятых в экономике практически такое же, как в странах ОЭСР (6,5 и 6,6). В России сохранились НИИ мирового класса, коллективы компетентных ученых и инженеров, хорошее качество школьного, а в ведущих вузах и высшего, естественного и математического образования.

В последние годы растут затраты на НИОКР, но доля частного сектора составляет всего 20% (в странах ОЭСР – 55%, в Японии – 70%).

По общей сумме затрат Россия находится на уровне Тайваня, Италии и Бразилии, но намного уступает лидерам – США (282 млрд. долларов в 2003 г.), Японии (104), Китаю (60), Германии (54) и Франции (30 млрд. долларов).

К ведущим экономикам, которые используют, в основном, собственные, а не заимствованные или скопированные технологии, относят те, где число патентов на 1 млн. жителей выше 15-ти. К ним относятся США, Япония, страны ЕС, Канада, Австралия, Израиль, Швейцария. За последние годы в эту группу вошли Тайвань, Сингапур и Ю.Корея, а Россия, напротив, переместилась в группу второстепенных по степени инновативности экономик. Доля России в мировом фонде публикаций сократилась с 19 до 8%, хотя, если учитывать бывших россиян, которые работают за рубежом, это число даже увеличилось. Эти люди помогли создать вертолетостроение в Ю.Корее, производство недорогих беспилотных самолетов, способных выследить и уничтожить террористов в Израиле. Они составляют четверть кадров в знаменитой Силиконовой долине. Ежегодные потери России от утечки мозгов оцениваются в 50 млрд. долларов, между тем, для модернизации российской науки, по оценке академика Д.Львова, достаточно 5 млрд. долларов.

Об эффективности использования научного потенциала свидетельствуют производительность труда, в том числе в высокотехнологичном секторе, доля научно-технического прогресса в приросте ВВП, а высокотехнологичной продукции – в общем производстве и экспорте, доля страны на мировом рынке высоких технологий, число предприятий, разрабатывающих и осваивающих нововведения. В России к их числу относятся всего 10-12%, причем речь идет часто лишь о закупке бывшего в употреблении зарубежного оборудования, а в США и Японии – 80% фирм.

3. Реформа российской науки, которая финансируется в основном из бюджета и практически отделена от производства. Коммерческой инновационной деятельностью в США занимаются 75%, а в России – только 6% НИИ. Из 450 институтов РАН по оценке Миннауки эффективно работает не более 50-ти. Предстоит ликвидировать разделение науки на академическую, вузовскую, отраслевую и заводскую, а организаций – на научные, конструкторские, проектные и технологические. Основным звеном новой системы станут комплексные организации, способные предложить заказчикам не научный отчет или техническую документацию, а реализацию проекта «под ключ», включая заказ и монтаж оборудования. Они будут выступать заказчиками или вступать в альянсы с автономными некоммерческими институтами и университетами. Акционирование многих государственных НИИ позволит им наряду с фундаментальными исследованиями на основе грантов легально выполнять коммерческие заказы. Средства при этом выделяются не учреждению на основе фиксированного штатного расписания, а конкретной научной группе во главе с признанным лидером за выполнение конкретного проекта.

За рубежом академические институты давно объединены с университетами. Инновационно-образовательные центры становятся основой региональных кластеров, наподобие Силиконовой долины в США, а фирмы ежегодно посылают туда своих сотрудников на обучение. В

России за последние годы создано более 300 юридических (90 из них в Москве) и еще большее число экономических вузов и факультетов.

Половина выпускников не находит и даже не ищет работу по специальности. Упорядочение сети вузов позволит найти средства для воссоздания разрушенного профтехобразования, без которого не заработает инновационная система.

Оклады по большинству разрядов тарифной сетки бюджетников ниже прожиточного минимума, который предусматривает преимущественно углеводное питание и покупку пары носок и трусов один раз в несколько месяцев. Преподаватель, который не посещает театры, не покупает книги, не имеет компьютера, да еще существенно ограничен в нижнем белье, не подготовит специалиста для информационной экономики. Отсюда взятки и при поступлении и, что особенно опасно, в процессе обучения.

Необходимо законодательно определить механизм передачи государственной интеллектуальной собственности малому инновационному бизнесу. Тогда специалисты не будут ожидать подачек от государства, а сами заработают деньги за счет развития и коммерческого использования этой собственности. Исчезнет поле деятельности для фирм, которые скупают и контрабандой увозят технические идеи.

Развитие малого инновационного бизнеса особенно важно в условиях, когда крупные торговые сети вытесняют частников из торгового, челночного и ресторанного бизнеса. Нужна программа переориентации малого бизнеса на инновации. Целесообразно освободить его на стартовый период от налогов, как это делается в Казахстане.

4. Стимулирование инновационной активности предприятий на базе реальной конкуренции, рыночного ценообразования и дифференцированного налогообложения. Самое слабое место российской рыночной системы – отсутствие конкуренции, обеспечивающей победу передовых технологий над отсталыми. «Широко процветает практика предоставления индивидуальных налоговых и других льгот, а также необоснованных преференций при распределении подрядов, финансовых и материальных ресурсов. За этим, как правило, стоят интересы конкретных чиновников», – эти слова В.В. Путина, сказанные в сентябре 2005 г., относятся не только к Южному федеральному округу, но

и к другим регионам, где рынок монополизировали фирмы, принадлежащие родственникам, друзьям или спонсорам главы администрации.

Свою лепту в подавление конкуренции вносят вертикально интегрированные и государственные компании, которые безо всяких инноваций имеют конкурентные преимущества перед обычным бизнесом.

Историки оценят заслугу Е.Гайдара: либерализация цен на потребительские товары в 1991 г. предотвратила голодные бунты. Но цены на газ, электроэнергию, услуги ЖКХ по-прежнему определяются как сумма произвольно установленных издержек и плановой прибыли. Это значит, что освоение новых технологий, например парогазовых, позволяющих поднять КПД электростанций с 33 до 50%, или замена прохудившихся труб невыгодны, т.к. инвестиции делает производитель, а выгода после неминуемого снижения тарифов и ремонтных расценок достается потребителям.

В России действует универсальная система налогообложения, при которой одинаково облагается прибыль от спекуляций и инноваций, потраченная на дивиденды и инвестиции, и нефть, бьющая из природных фонтанов и добытая тяжким трудом на низкодебитных скважинах. Первое место в налоговых доходах бюджета занимает НДС, который делает невыгодным передачу сторонним поставщикам и субподрядчикам непрофильных для предприятия заказов. НДС выгоден лишь конгломератам, бизнес-единицы которых технологически друг с другом не связаны и ничего друг другу не поставляют.

Советская инновационная система оправдала себя в мобилизационной экономике. Инновациями тогда занималось 30% предприятий, а не 10%, как сейчас. Но длительность научно-производственного цикла в гражданских отраслях в те годы составляла 10-15 лет – в 2-3 раза больше сроков морального износа новой техники, хотя и заводы, и НИИ принадлежали одному хозяину. Рыночная инновационная система все еще не создана. На внутреннем рынке электронной продукции, без которой инновации невозможны, доля российских предприятий опустилась до 10%.

С 2006 г. расходы на НИОКР впервые исключены из налогооблагаемой базы, государство стало страховать некоммерческие риски при экспорте высокотехнологичной продукции, но этого недостаточно. Нужно хотя бы частично компенсировать процентную ставку по кредитам на обновление производства (их доля в банковском портфеле составляет всего 4%), стимулировать вывод ценных бумаг на фондовый рынок (соотношение привлеченных и собственных средств у российских предприятий составляет один к двенадцати, а у зарубежных – один к одному), вернуть инвестиционную льготу при налогообложении.

5. С помощью государства необходимо развить инновационную инфраструктуру – посредников между разработчиками и коммерческими заказчиками. За рубежом на одного исследователя приходится 10, а в России – всего один менеджер информационно-маркетинговых, венчурных и других центров, которые отбирают идеи, патентуют, организуют финансирование и продвигают их на внутренний и внешний рынки. При этом организационно-финансовые аспекты инновационной системы тесно связаны с институциональными.

«Страна у нас богата, порядка только нет»

Без малого два века назад А.К. Толстой сделал эти слова рефреном своей поэмы, образно выразив тем самым основную проблему России – по природным богатствам она превосходит большинство стран, по интеллектуальным не уступала им, но несовершенные социальные институты мешают эффективному использованию этих богатств.

Богатства эти не вечны. По данным доклада Всемирного банка (2005 г.) национальное богатство России в расчете на душу населения составляет всего 38,7 тыс. долл. – в 13 раз меньше, чем в США, и в 17 раз, чем в Швейцарии. Природные ресурсы – основная часть этого богатства (у первой десятки богатых стран их доля – 1-12%), производственный капитал устаревает, а доля нематериальных активов (технологии, человеческий капитал, качество социальных институтов) составляет всего 15% (в богатых странах – 63-87%), в расчете на душу населения – 5,9 тыс. долл. (в 10-ти самых богатых странах – 439 тыс. долл.).

В индустриальную эпоху в экономической науке господствовали классическая и марксистская теории, которые признавали действие общих для всех стран законов, направленных на достижение равновесия (в первом случае – спроса и предложения на основе информации о ценах, во втором – производства и распределения с помощью централизованного планирования). Обе эти теории практически оставляли вне внимания человеческий фактор, считая его внеэкономическим.

Постиндустриальной экономике, где этот фактор является решающим, соответствует социэкономическая наука [12] о поведении людей и организаций, мотивы которого у новаторов и консерваторов существенно различаются. Как показал еще Шумпетер, главным двигателем прогресса является неравновесие, высшей точкой которого является кризис [13]. Д.Норт, О.Уильямсон и другие Нобелевские лауреаты определяют социальный институт как способ организации, регулирования и упорядочения общественной жизни, правила, созданные людьми и определяющие поведение и взаимодействие людей и организаций. Механизмы, обеспечивающие соблюдение этих правил, обладают не только координирующими, но и распределительными свойствами.

В развитых зарубежных странах законы и созданные на их основе формальные институты определяют традиции и привычки людей. В России история сложилась так, что неформальные институты препятствуют действию законов. Это нашло свое выражение в русских пословицах: «Не обманешь – не продашь»; «Не подмажешь – не поедешь»; «От трудов праведных не наживешь палат каменных» и главное – «Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло». Рискнем предложить еще одно определение: социальный институт – это идея, овладевшая массами и определяющая их поведение. Так, в ходе коллективизации был раскулачен и выслан примерно 1 млн. зажиточных крестьян, которые более 10 лет успешно трудились на своей земле. Но десятки других миллионов зарубили себе на носу и помнят до сих пор, что вкалывать и копить на улучшение хозяйства глупо. В том же направлении воздействовали на социальные институты многие меры правительства в недавнем прошлом.

Российские экономисты [14] показали неэффективность революционной ломки институтов, необходимость направленных институциональных изменений, которые вовсе не сводятся к принятию «хороших» законов, а включают укоренение новых институтов, преодоление институциональных разрывов и выработку баланса сил и интересов в ходе реформ. Инновационные институты может создать лишь гражданское общество, состоящее из экономически независимых, имеющих всю необходимую информацию и материально обеспеченных людей, создающее блага, не производимые ни рынком, ни государством, в котором граждане имеют равную переговорную силу с бизнесом и властью.

Переход к инновационной экономике требует перестройки массового потребления на основе его индивидуализации и повышения культуры. Особое значение имеет увеличение доли оплаты труда в ВВП с нынешних 25% до 60-70%, что резко увеличит спрос на трудосберегающую технику.

С этих позиций интересно сравнить Россию с мировым лидером – США, где 65% ВВП дает высокотехнологичный комплекс. Россия вдвое превосходит США по территории, но вдвое уступает по численности населения. Становление обеих держав было связано с пространственным расширением, но индейцы были в основном уничтожены, а финноугорские и тюркские племена или слились с русскими (чудь, воль, меря, весь), или сохранили свою самостоятельность. В истории обеих стран есть печальный опыт гражданской войны. Общим являются многонациональный и многоконфессиональный состав населения и быстрые изменения в его структуре. В Калифорнии, Техасе и других штатах белые люди европейского происхождения уже стали меньшинством. В Москве у Соборной мечети, построенной 100 лет назад, была тысяча, а сейчас – более миллиона потенциальных прихожан. Общим является и особое внимание к общественным благам: 82% американцев считают первоочередным приоритетом улучшение образования, а 78% – здравоохранения.

Преимущество США – незамерзающие порты на двух океанах и то, что они никогда не знали иностранного нашествия. Преимущество России – уникальные природные ресурсы и

весьма выгодное с точки зрения логистики расположение между европейской и восточно-азиатскими цивилизациями. Правда, из-за этого России не раз приходилось становиться щитом Европы. В конце 80-х гг. Запад мог отблагодарить Россию новым планом Маршалла, но ограничился гуманитарной помощью и дорогими кредитами, большая часть которых ушла на оплату консультантов, которые не принесли России особой пользы.

Сегодня США имеют огромный дефицит бюджета и торгового баланса (в 2005 г. он вырос на 25%), а Россия – профицит. Рейтинг российского президента намного выше, чем американского. Тем не менее, чистый приток капитала в США составляет 2 млрд. долл. в день, что позволяет закрыть брешь платежного баланса, а инвестиции в Россию намного ниже, чем в других странах с переходной экономикой. Сами россияне быстро увеличивают расходы на покупку товаров, но не вкладывают свои сбережения в обновление производства. Это характеризует российскую экономику как экономику недоверия, а без доверия инновационная система невозможна. Численность россиян ежегодно почти на 1 млн. сокращается, а американцев – на 1,5 млн. растет.

Институциональные преимущества США связаны с тремя главными факторами – законопослушанием, государственной и общественной поддержкой инициативы и конкуренции, разумной региональной политикой. В США действует намного больше, чем в России, хозяйственных законов и регламентов, причем все они строго соблюдаются. Лимитируется даже расход воды в конструкции унитазов. Введенные во второй половине прошлого века экологические регламенты заставили закрыть металлургические гиганты на берегах Великих озер и создать сотни небольших предприятий по переработке металлолома. В итоге сократились перевозки, а в озерах вновь появилась рыба. Регламенты на расход топлива и выбросы отходящих газов преобразили автомобильную промышленность, при этом государство не давало ей дотаций и не увеличило импортные пошлины, но передало разработанные для военных нужд технологии. В России закон о регламентах, заменяющих устаревшие ГОСТы, давно принят, но регламентов все еще нет.

Весной 2005 г. в Петербурге трагически погибли курсанты военноморского вуза. На шлюпке был установлен парус, хотя сертификата на управление парусником офицер не имел. Парус был установлен неправильно, но никто, как положено, этого не проверил. Когда судно перевернулось, чтобы освободиться от паруса, достаточно было вытащить один штырь, но этого вовремя не сумели сделать. Конструкция шлюпки обеспечивала ее непотопляемость, устав требовал ждать помощи, держась за нее с наветренной стороны, но командир разрешил плыть (предписание требует плыть, отдыхая). Но берег на самом деле дальше, чем это кажется с воды. Курсанты рванули наперегонки. Никто не доплыл... Нарушение инструкций в России – правило, а не исключение, видимо, в душе глубоко засела идея: «закон, что дышло...».

Впрочем, есть пословицы, вполне соответствующие современным условиям, например, «уговор дороже денег». Ее наиболее часто употребляли староверы, которых было особенно много среди купцов первой гильдии. Их успехи в бизнесе объяснялись, разумеется, спецификой не религиозных обрядов, а социальных институтов. Староверы происходили из районов, где не было распространено крепостное право, куда не доходили кочевники, где бедность природных ресурсов заставляла заниматься торговлей и ремеслами, а в семьях издавна были библиотеки.

По институциональным причинам протестанты в Германии были богаче католиков, а арабы-сунниты – шиитов.

Американское правосудие никак не могло доказать вину чикагского гангстера 30-х годов Аль-Капоне в многочисленных убийствах, но его упрятали в тюрьму до конца жизни, т.к. его расходы намного превышали заявленные в декларации доходы. Если этот закон ввести в России, сразу рассосутся транспортные пробки в крупных городах: автомобили и виллы толстосумов, даже не считая расходы на гулянки и обслугу, намного перевесят задекларированные доходы за всю жизнь. Да и у всех россиян, судя по товарообороту, расходы превышают реальные доходы.

Согласно институциональной теории экономическая политика должна прежде всего учитывать особенности данной страны и региона.

Российский закон о банкротстве был списан с германского, но там он способствовал финансовому оздоровлению, а в России – беззащитному переделу собственности.

Как и Россия, США столкнулись с проблемой несоответствия нынешней системы хозяйственного права и финансовой отчетности условиям информационной экономики. ИБГ создают сотни и тысячи аффилированных фирм, хитросплетения отношений с которыми известны лишь высшим менеджерам, но не акционерам и контролирующим органам. ЮКОС закупал нефть у своих предприятий по 40 долларов за тонну, а продавал ее через свои офшорные фирмы по 150, прибыль при этом шла в карман ведущих собственников, которые к тому же получили патент как индивидуальные предприниматели, якобы оказывающие услуги собственной компании, и платили налог лишь в размере 13% своих доходов. В первом полугодии 2005 г. чистая прибыль «Юганскнефтегаза», который был отнят у ЮКОСа, выросла в 2,2 раза, хотя выручка – только на 60%. Корпорациям пришлось отказаться от многих налоговых схем. По подсчетам зарубежных экспертов доходы бюджета в результате дела ЮКОСа выросли на 5 млрд. долл., но убытки оказались во много раз больше.

В США владелец крупнейшей корпорации «World Com» получил 25 лет тюрьмы, но дела заведены еще на 1400 высших менеджеров, уличенных в обмане. В России одни олигархи сидели в клетке, а другие, которые делали то же самое, катались на яхтах. Не понесли наказания и те, кто многократно проверял ЮКОС, но ничего незаконного не находил. В Налоговом кодексе до сих пор нет статьи, отделяющей законную налоговую оптимизацию от незаконной. Американская Фемида защитила акционеров – они получили многомиллионные компенсации. В России после того, как капитализация ЮКОСа снизилась с 40 до 1 млрд. долл., ни в чем не повинные акционеры и пенсионный фонд нефтяников остались ни с чем и теперь судятся с государством. В результате всего этого небывалый приток валюты в Россию привел к увеличению не инвестиций и темпов экономического роста, а лишь инфляции и вывоза капитала, причем не с целью включения новых звеньев в национальную инновационную систему, а для ухода от российской юрисдикции. Снова сработал сформулированный В.С. Черномырдиным принцип: «Хотели как лучше, а вышло как всегда». Нельзя принимать судьбоносные решения без тщательной оценки институциональных последствий.

Петр I сказал, что любого чиновника, прослужившего 7 лет, можно вешать за воровство без суда и следствия. К сожалению, коррупция в России носит системный характер, т.е. без нее функционирование хозяйства невозможно. После повышения зарплаты в 2005 г. милиционер получает 4,8, сержант с пятилетней выслугой – менее 5,5, а старший опер-уполномоченный в чине капитана и выслугой 10 лет – аж 7,5 тыс.рублей. Бывший министр МВД сказал, что владельцы ларьков на мелкооптовых рынках платят дань рекетирам, а те делятся с милицией, но прекратить это нельзя, иначе сотрудники разбегутся. То же сказал и бывший министр образования: если устранить коррупцию, разбегутся преподаватели. А.А. Фурсенко в 2005 г. назвал зарплату педагога национальным позором. В 2004 г. в Россию легально ввезли 2,8 млн. сотовых телефонов, а продали – 25 млн., бюджет недополучил 1 млрд. долл.

Одно из прошлых правительств, где атомной энергетикой руководил Г.Адамов, создало Комитет по борьбе с коррупцией, но, как справедливо заметил Г.А. Явлинский, самое трудное – бороться с самим собой.

Рыночная экономика, как и демократия, имеет существенные недостатки. Но лучшего пока не придумано. Десять процентов американской экономики составляет рынок марихуаны (этим заняты 200 тыс. человек), порнографии (ее доходы не меньше, чем у Голливуда, а в стриптиз-барах американцы тратят больше, чем в театрах и на концертах классической музыки) и труда нелегальных иммигрантов. В России легко найти все худшие черты рыночной экономики, но гораздо труднее найти положительные, связанные с развитием массовой инициативы.

Среди 2,8 млн. юридических лиц примерно половина – липовые, созданные по утерянному, украденному или одолженному паспортам для проведения разовых незаконных сделок, реально работает лишь 600700 тыс. фирм. В Германии зарегистрирована одна тысяча, а в России 157 тыс. АО. Большинство из них акционерные только по названию, они не проводят вторичную эмиссию

акций, не котируют их на бирже, чтобы получить средства для обновления производства, ибо опасаются утратить контроль над финансовыми потоками.

По данным Генеральной прокуратуры, потери от незаконной приватизации, в том числе путем преднамеренного банкротства стратегических государственных предприятий, в первом полугодии 2005 г. превысили 8 млрд. долл. Этой суммы достаточно, чтобы довести минимальную зарплату россиян до прожиточного минимума. Почти все АО хранят реестры акционеров не в депозитарии, а на листках или дискетах в бухгалтерии, что позволило сделать самой рентабельной в России отраслью бизнеса рейдерство, т.е. захват чужой собственности с помощью подложных документов и частных охранников (их общая численность почти такая же, как армии, и гораздо больше, чем в НИИ).

В Москве за последние 4 года атакам рейдеров подверглось 1200 предприятий. Были захвачены НИИ шинной промышленности, НИИ эластомеров – головная организация по разработке полимерных материалов, а летом 2005 г. – Гипромез – крупнейший инжиниринговый центр металлургии, располагавший на свою беду участком в 30 га на престижном проспекте Мира. Его владельцем объявило себя ООО с Виргинских островов. Между прочим, на подобных островах зарегистрированы собственники многих крупных российских компаний. Их нельзя приравнивать к российским резидентам. Следует запретить пересылку по почте, без проверки подлинности решений общих собраний, заявлений о государственной регистрации новых сведений о юридических лицах.

Российский АПК до сих пор ориентируется на увеличение сбора и экспорта зерна, а не на прирост добавленной стоимости за счет дорогостоящих конечных продуктов. Российские птицеводы требуют сократить импорт, поскольку он сбивает им цены. Но ведь зарплата в США на порядок выше, электроэнергия в несколько раз дороже, налоги тоже выше, почему же даже с учетом расходов на глубокую заморозку, трансокеанскую перевозку и таможенную импорт оказывается дешевле? Дело в том, что в России на килограмм привеса тратится почти втрое больше кормов, доля торговли в ВВП – около 21% (в странах ОЭСР – 9-10%), причем доля оптовой торговли в 2,5 раза выше, чем розничной. В 2005 г. торговля росла вдвое быстрее, чем промышленность. Значит, для снижения цен на мясо нужно не ограничивать импорт, а вкладывать средства в улучшение породного состава стада, качества кормов, при этом выгоды должны доставаться производителям, а не перекупщикам.

Средняя зарплата американцев, не кончивших школу, составляет сейчас 24 тыс. долл. в год, окончивших среднюю школу – 37, двухгодичный профессиональный колледж (они есть в каждом городке) – 46,

бакалавров – 80 тыс. долл. и т.д. В России зависимость обратная. Американцам с детства внушают: «Я хочу, я могу, я буду», учат думать о том, как самому стать богатым, а не других сделать бедными. Развитию инициативы россиян мешает не мировая закулиса, а собственные СМИ.

Когда-то было можно, хотя бы в сказке, слезть с печи и жениться на королевне. Информационная экономика дает человеку новые возможности, но предъявляет неизмеримо более жесткие требования. Каждый американец знает о Кондолизе Райс, выходец из бедной Алабамы, которая в 15 лет поступила в университет, в молодости стала проректором Стенфорда, а сейчас имеет наибольший рейтинг в администрации Буша. СМИ имеют первостепенное значение для интеллектуализации общества, но они убеждают зрителей и читателей, что на Руси наиболее весело и вольготно живут дамы легкого поведения (в русском языке есть более краткое определение, но Екатерина II специальным указом запретила его употреблять). Российская земля и сегодня может рождать собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов, а не только светских львиц. Ориентиром дорыночной молодежи были космонавты, потом ими стали бандиты, сейчас – банкиры и юристы, а стать должны изобретатели и инновационные менеджеры.

Отмена государственной монополии на алкоголь (в Финляндии и других северных странах она вовсе не препятствовала созданию эффективной рыночной экономики) привела к потере сотен тысяч жизней и миллиардных доходов бюджета. Сегодня, в дополнение к водочной и наркомафии, набирает силу игорный бизнес. «Однорукие бандиты», нередко

перепрограммированные, чтобы сделать невозможным выигрыш, заполнили магазины, перекрестки и клубы даже в самых бедных городках. Закон этому не препятствует, а местные власти рады хоть малому ручейку от мафиозных доходов.

По-разному решаются в России и США регионально-национальные проблемы. После революции большинство народов (кроме русского) получили не культурно-национальную автономию, а государственность.

Национально-государственная мина рванула в 1991 г., может рвануть еще раз. Превращение республик в губернии уже невозможно, но необходимо дополнить политико-правовое единство России, достигнутое в последние годы, экономическим. Его подрывает растущий разрыв в демографическом и инновационном развитии регионов.

В начале XX века Россия занимала 1-е место в Европе по рождаемости – 37 на тысячу женщин. В 1999 г. эта цифра опустилась до 8,3, в 2004 г. – выросла до 10,3, но это средняя температура по больнице. В первом полугодии 2005 г. в 75-ти регионах сократилась рождаемость и в 62-х выросла смертность. В 25-ти регионах число умерших в 2-2,9 раза превышает число родившихся. Население 70-ти регионов ежегодно сокращается почти на миллион, а 15-ти – увеличивается на 150 тыс.

человек. Проблема не в том, что растет число кавказцев, а в том, что сокращается число русских. Средняя продолжительность жизни мужчины в Дагестане – 68 лет, а в преимущественно русских регионах – почти на 12 лет меньше. В богатой Москве женщина в среднем рождает всего

1,09 ребенка, но если учесть, что 13,5% детей появляются в семьях без столичной регистрации, это означает, что средняя коренная москвичка не имеет даже одного ребенка. По данным Института генерального плана Москвы 90% приезжих – нерусские, через 10 поколений генофонд обновится на 70%, у москвичей с русскими именами и фамилиями будут более темные волосы и иной темперамент. Польская газета «Wprost» недавно выразила надежду, что через 100 лет проблема отношений с бывшей великой державой будет исчерпана вместе с русскими. Как отметил И.Бестужев-Лада в статье «Почему вымирают русские», оздоровительные меры на 20% связаны с повышением уровня жизни, но на 80% – с улучшением психологического климата на базе достижения социальной справедливости и нахождения смысла жизни. Всплеск рождаемости в России отмечался во время Хрущевской оттепели и в начале перестройки.

Увеличение детских пособий с 2005 г. означает лишь перераспределение средств в регионы, где в стимулировании рождаемости никто не нуждается. Между тем, 15% семей хотят, но не могут иметь детей, 170 тыс. беременностей ежегодно не вынашиваются, 70 тыс. недоношенных детей гибнут. Современные технологии позволяют коренным образом изменить такую печальную статистику. Именно на это нужно тратить средства.

Последняя перепись населения не зафиксировала существенного уменьшения числа русских, но лишь потому, что так записались миллионы людей, для которых русский язык и культура давно стали родными. Аналогичная ситуация на Украине, где число русских, по сравнению с предыдущей переписью, сократилось на 5 млн. человек – с 26,6 до 17,3%. Они никуда не делись, просто последовали примеру Л.Кучмы, который в прошлой переписи записался русским, а теперь почувствовал себя украинцем.

США сумели использовать принцип Дэн-Сяопина: «Неважно какого цвета кошка – черная или серая, важно, чтобы она ловила мышей». Два последних госсекретаря – афроамериканцы, но даже лилейно-белые граждане признают, что они хорошо защищают интересы США. Министром юстиции впервые стал латиноамериканец. Хотя представители этих двух этнических групп занимают 70% мест в американских тюрьмах (их население за полвека увеличилось с 0,5 до 2 млн. человек), за расовое оскорбление можно сесть в тюрьму. Более бедные штаты по решению Конгресса получают целевые субвенции на проекты, позволяющие создать новые рабочие места, а не безадресные дотации. Офисы крупных компаний расположены за пределами Вашингтона, поскольку им не нужна близость к власти для успеха в конкуренции.

В России внятная национально-региональная политика до сих пор отсутствовала. Как отметил на празднике 1000-летия Казани М.Шаймиев, в школьных учебниках история России представлена лишь как русская история, хотя и другие национальности внесли свою лепту в

создание государства. В последние годы, несомненно, выросло благосостояние населения. В Москве, по данным исследования («Известия», 16 августа 2005 г.), в 2001-2005 гг. доля бедных сократилась с 26 до 10%, а богатых – выросла с 16 до 28%, число владельцев микроволновых печей – с 16 до 50%, мобильных телефонов – с 40 до 70%, предпринимателей и менеджеров – с 27 до 40%, владельцев иномарок и посетителей ночных клубов – более, чем вдвое (музеев и художественных галлерей – только на 2%). По душевому ВВП Москва вышла на европейский уровень – впереди Португалии.

Но Москва – это еще не Россия. Сохраняется беспросветная нужда в малых городах (их в России более тысячи), где единственными работодателями являются бедные муниципальные учреждения и заезжие торговцы. В Великобританию за год после расширения ЕС приехали 250 тыс. мигрантов (60% из них – поляки), но они не торгуют на рынках, а легально работают и платят налоги. В результате безработица в этой стране ниже, а экономический рост выше, чем у соседей. В России, по оценке Федеральной миграционной службы, 5-10 млн. приезжих, в том числе 1 млн. в Москве, находятся нелегально. Не случайно, по данным опроса Левада-центра, в 2005 г. 58% респондентов поддержали, в т.ч. 19% безоговорочно, угрожающий единству страны лозунг: «Россия для русских». Но это не русская, а общероссийская проблема. Как отметил президент Якутии В.Штыров, в районы, куда раньше можно было попасть только по пропуску, ринулись южане, которые меняют наркотики на алмазы.

В южных регионах России нет работы и качественного образования для молодежи. На полную мощность работают лишь водочные заводы, которые охраняются гораздо лучше, чем школы и склады с оружием, а на прилавках северных городов красуются овощи и фрукты и даже питьевая вода из далеких стран. Российские регионы и дружественные страны СНГ смогут конкурировать с ними, если получат современные технологии хранения и транспортировки продукции и освободятся от поборов на дорогах. Чтобы действительно помочь бедным, надо дать им удочку, а не рыбу. Малые города по всей России должны стать центрами профессионального обучения, малого и среднего бизнеса, инновационной поддержки АПК, а не азартных игр.

Правительство всячески старается помочь регионам. В 2006 г. финансовая помощь вырастет в 1,3 раза. По данным ученых Сибирского отделения РАН за 5 лет на эти цели было потрачено до 750 млрд. рублей, но разрыв между регионами только увеличился. По душевому ВВП и инвестициям он 25-30-кратный, больше, чем между США и Африкой. Дело в том, что собесовский принцип помощи заинтересовывает регионы не в трудной модернизации экономики, а лишь в хороших отношениях с центральной властью. В 2005 г. ухудшилась бюджетная обеспеченность Удмуртии – в награду она получит дотации, две российские области сумели улучшить свои показатели – в наказание они станут донорами федерального бюджета.

Необходимо реализовать идею о минимальных социальных стандартах, наподобие тем, что вводятся в Петербурге. Вряд ли стоило отменять налог с продаж. В США, где НДС отсутствует, этот налог является основой устойчивости местных бюджетов и их заинтересованности в малом бизнесе. Проблема сбалансированности доходов и обязательств обострится с 2006 г., когда образование (кроме вузов), здравоохранение и ЖКХ перейдут в ведение местных властей. В 2006-2008 гг. реализуются четыре национальных проекта по развитию здравоохранения, образования и науки, жилищного строительства и ипотеки, агрокомплекса. Значительные бюджетные средства выделены на решение узловых проблем, определяющих качество жизни россиян.

Литература:

1. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000 – 304 с.
2. Innovation, competence building and social cohesion in Europe: towards a learning society. P.Concencao, M.Heitor, B.Lundwall. Cheltenham // UK, 2003 – 335 p.
3. Business and work in the information society: new technologies and applications. – Amsterdam, 1999. – 942 p.
4. Iaffe A, Lerner I. Innovation and its discontents: how our broken patent system is endangering innovation and progress and what to do about it. – Princeton, NJ, 2004. – 236 p.

5. Innovation systems in a global content: the North-American experience. – Montreal, 1998. – 303 p.

6. Innovation policies in Europe and the US: the new agenda. B.Biegelbauer, S.Borras (eds). Aldershot // UK. – 2003. – 325 p.

7. A decade of reform: science and technology policy in China. Ottawa, 1997. – 160 p.

8. Embracing the knowledge economy: the dynamic transformation of the Finnish innovation system. G.Schienstock (ed.), Cheltenham // UK. – 2004. – 325 p.

9. Кузык Б., Яковец Ю. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. – М., 2005.

10. Дынкин А.А., Соколов А.А. Интегрированные бизнес-группы: прорыв к модернизации страны. – М., 2002. – 200 с.

11. Май В. Логика российской модернизации // Газета RU, 2005.

12. Advancing socio-economics: an institutionalist perspective. R.Hollingsworth, K.Miller (eds). – Lanham, 2002. – 450 p.

13. Innovation in technology, industries and institutions: studies in Schumpeterian perspectives. Y.Shionoya, M.Perlman (eds). Ann Arbor, Mich, 1994. – 337 p.

14. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. – 2005. – № 5.

References:

1. Inozemtsev V. The modern post-industrial society: nature, contradictions and prospects. – М., 2000. – 304 p.

2. Innovation, competence building and social cohesion in Europe: towards a learning society. P.Concencao, M.Heitor, B.Lundwall. Cheltenham // UK, 2003. – 335 p.

3. Business and work in the information society: new technologies and applications. – Amsterdam, 1999. – 942 p.

4. Iaffe A, Lerner I. Innovation and its discontents: how our broken patent system is endangering innovation and progress and what to do about it. – Princeton, NJ, 2004. – 236 p.

5. Innovation systems in a global content: the North-American experience. – Montreal, 1998. – 303 p.

6. Innovation policies in Europe and the US: the new agenda. B.Biegelbauer, S.Borras (eds). Aldershot // UK, 2003. – 325 p.

7. A decade of reform: science and technology policy in China. Ottawa, 1997 – 160 p.

8. Embracing the knowledge economy: the dynamic transformation of the Finnish innovation system. G.Schienstock (ed.), Cheltenham // UK, 2004. – 325 p.

9. Кузык Б., Яковец Ю. Russia-2050: Strategy of innovative breakthrough. – М., 2005.

10. Dynkin A., Sokolov A. Integrated business groups: the breakthrough to modernization of the country. – М., 2002. – 200 p.

11. Mau V. The logics of Russia's modernization // Newspaper RU, 2005.

12. Advancing socio-economics: an institutionalist perspective. R.Hollingsworth, K.Miller (eds). – Lanham, 2002. – 450 p.

13. Innovation in technology, industries and institutions: studies in Schumpeterian perspectives. Y.Shionoya, M.Perlman (eds). Ann Arbor, Mich, 1994. – 337 p.

14. Kuz'minov Ya, Radaev V., Yakovlev A., Yasin E. The institutions: from borrowing to cultivation (the experience of the reform in Russia and the possibility of cultivating institutional changes) // Questions of economy. – 2005. – № 5.